

Смена, - С. - Пд. - 1993, - 10 сент. - с. 4.

**Фамилию этого человека Константин Симонов дал
главному герою своего романа «Живые и мертвые»****Черви - козырная
масть**

Передо мной - обычная общая тетрадь в затертой серенькой обложке, прошитая ниткой. В уголке надпись: «Н.Д. Синцов, 3 корпус, камера 50».

Записи в этой тетради велись в тюремной камере Владимирского централа бывшим военкором Ленинградского радиокомитета, начальником отдела политвещания, осужденного по «Ленинградскому делу» на 25 лет. Только смерть «отца народов» вызволила Синцова из каменного мешка Владимирской тюрьмы.

При слабом зрении разобрать написанное можно лишь с лупой - так бисерно мелки буквы. Узник дорожил каждым листком.

В строгом смысле эти записи дневниковыми не назовешь. Здесь и выдержки из писем родных, и сохраненные памятью строки стихотворений русских поэтов - то, что было для Николая Дмитриевича за решеткой нравственной опорой - хрустальные строки из «Евгения Онегина», грибоедовские - из «Горе от ума», где столько параллелей, ответов на горькие раздумья о человеческих пороках - малодушии, предательстве.

Несколько страниц - стихи на немецком языке: Гете, Гейне, Шиллер. И, наконец, - собственные сочинения Синцова. Мысли, воспоминания, облеченные в поэтическую форму. Вот датированные 1950-м годом, невинные на первый взгляд стихотворные размышления-воспоминания о балете «Щелкунчик». Танцуют карты... И, неожиданно, - строки:

**Вдруг, кроя с небывалой
страстью
Всех, кто правей и кто левей,
Становится козырной мастью
Все поколение червей...**

Безошибочно угадывается, что черви - это те, кто вершил суд одним росчерком пера, приговаривал ни в чем не повинных людей к высшей мере, тюремному заключению, ссылкам, кто выдавал и предавал, писал доносы, выслеживал, выслушивался.

Синцов размышлял, конечно, о тех, кто перечеркнул и его жизнь - о нелепых обвинениях, предъявленных ему. Спустя четыре года после окончания войны его, например, обвиняли в том, что «не помог разоблачить, смирился с враждебной деятельностью, антипартийной линией бывшего руководства Ленинграда в лице А.А. Кузнецова, П.С. Попкова, Е.Ф. Капустина, Г.Ф. Бадаева»... (из обвинительного заключения). Или - «Синцов знал, что Ленинградский радиокомитет засорен враждебными элементами, но не принял мер очищения от враждебных лиц... С ведома Синцова в радиокомитет был привлечен Воинов - сын попа, родственник А.А. Кузнецова» (из постановления партколлегии при Ленинградском обкоме и Горком партии).

О них, «героях» - стукачах, донбсиках, сломавших жизнь тысячам и тысячам - строки из той же тетради:

**Гора рождает мышь, нет спору.
А мышь рождает гору,
Когда про брата, вся в поту,
Строчит донос коту.**

После одиночки

...Никто не сообщал маршрута поезда. Через замазанные краской стекла ничего не было видно. От духоты, тесноты столярного вагона раскалывается голова. И вдруг - остановка. В темноте идти по шпалам трудно. У него ноют онемевшие ноги - врожденное плоскостопие... Но вот наконец вокзал - залитое светом здание с надписью «Владимир». Все ясно: их конечный маршрут - Владимирская тюрьма, испокон века известная, как Владимирский централ.

Воздух в камере был влажным и спертым. Николай Дмитриевич пригляделся к обитателям двухъярусных коек: да-а, компания - немецкие и японские генералы, главы бандеровских банд. Лишь один узник вызвал симпатию - немецкий журналист Пертцкер, до войны работавший в Москве. (Забегая вперед, скажу: в 1963

году Пертцкер посетит Россию, наведет справки о Синцове, но к тому времени Николая Дмитриевича уже не будет в живых. - В.М.)

Камера номер пятьдесят. Там после почти года московской одиночки Синцов пробыл три года. Писем «на высочайшее имя» узник не писал, видимо, не надеялся на снисхождение: бесконечные ночные допросы, пытки в Лефортовской тюрьме вытравили иллюзии. В те дни Синцов осознавал истинные причины массового террора. А вот просьбы о смягчении условий считал реальными.

«За последнее время мое здоровье ухудшилось, появилась экзема, общая слабость. Прошу вас, гражданский начальник, оказать мне временную поддержку для восстановления здоровья и назначить, если возможно, больничное питание. Я не пользовался никаким дополнительным питанием ни в Лефортово, ни здесь». (Из заявления Синцова начальнику тюрьмы).

Но могло ли «больничное питание» помочь душе, которая болела за семью? Жена в ссылке, дочек раскидали по разным городам: одна, двенадцатилетняя, в Иваново в детском доме, другая, двумя годами старше - в Львовской колонии малолетних преступников. Это она-то - его Танюша, радость и гордость, нежная, добрая, с ясной, чистой улыбкой - в колонии! Но когда разрешили переписку, письма с той и другой стороны дышали оптимизмом. Синцовы старались утешить, ободрить, поддержать друг друга.

«Преклоняюсь перед тобой, родная, любимая, единственная, за то, что, находясь в ссылке, помнишь, понимаешь, заботишься и не казнишь. Верю, что смогу обнять и отблагодарить тебя за любовь и справедливость... Радуюсь твоим деловым успехам, милая героиня иглы и пера. Вижу твои трудолюбивые руки и склоненную над работой голову... Целую твои седины и буду любить их до конца дней своих» (из письма Синцова жене Антонине Михайловне).

«Письмо твое, доченька, обрадовало. Хорошо, что отлично учишься, много читаешь, не уходишь от дел общественных. Но плохо, что нет подруг. Не ошибаешься ли в характеристиках однокурсниц? Никогда не стриги всех под одну гребенку, от этого бывают непоправимые ошибки. И, упаси Бог, не стань «микроскопической индивидуальностью на высоких каблучках сомнения» (из письма старшей дочери Татьяне).

Во всех письмах заверения - здоровье в порядке. Это когда желудочные боли терзают денно и нощно, истощение все сильнее. Результатом обращения к начальнику тюрьмы было лишь то, что какое-то время вместо ржаного хлеба давали серый.

«Хотя жизнь моя обесценена вконец, стараюсь больше двигаться, делаю по совету тюремного врача зарядку. Но на склоне пятого десятка тяжела присядка. К очкам привык (днем читаю без очков). Вышли мне, ради Бога, черный лоскут, чтобы закрывать им ночью лицо: свет в камере не выключается. Умственного ослабления не замечаю, даже, кажется, поумнел» (из письма жене).

«Умственного ослабления»... вот чего боялся Синцов, что с ужасом замечал кое в ком из сокамерников. И тут на помощь приходила заветная тетрадка. Николай Дмитриевич вспоминает стихи, афоризмы и заносит в свой дневничок, тренирует память, читает книги из тюремной библиотеки. И в письмах к дочкам неизменно советует - больше читайте. Еще из его советов - не бояться физического труда: он просит девочек помогать матери в чем только можно.

В тетради записи о радостных событиях: сначала Таня, потом Наташа соединились с матерью, посланной в Казахстан. Николай Дмитриевич пишет дочкам: «Успехов вам, мои любимые школьницы... Я вот тоже учусь, изучаю заново историю Руси, а также казахский язык, шифр немецкий, читаю до двухсот страниц в день».

**«Моим оружием
было слово»...**

Горечь и надежда на торжество справедливости, добра, на чудо, наконец,

- все это перелито в строки «Лукоморья». Первым слушателем поэмы Синцова был сокамерник, немецкий журналист Пертцкер и гораздо позднее те, для кого писались эти строки, - жена и дочери:

**Минувших дней чужая повесть,
Ничем не потревожу совесть...
О, Ленинград, я был с тобой,
Как все я жил твоей борьбой.
И весь огонь душевных сил
В твою защиту приносил.
Как все, я голодал и дрог,
Слабел и поднимался снова.
Моим оружием было слово...**

Словом Синцов владел превосходно. С тех пор, когда учился в Петроградском реальном училище, потом в университете, преподавал в одной из питерских школ (там и познакомился с молодой учительницей, которая стала его женой и другом до конца дней).

Об этой счастливой поре Николай Синцов вспомнит, находясь в заточении:

**О где вы, дни моей весны,
Мои студенческие годы?
Я помню юность, знания свет.**

Имя Николая Синцова вошло в историю Ленинградского радио блокадных дней. Николай Дмитриевич руководил политвещанием радиокомитета и одновременно был военным корреспондентом. Слова, обращенные к горожанам, были проникновенными и искренними. Он вел репортажи с борта кораблей Балтфлота. За эту работу военкор Синцов был награжден орденом Красной Звезды.

Вспоминает член Военного совета Балтийского флота, контр-адмирал Н.К. Смирнов: «Неоценимую помощь оказывал морякам Ленинградский радиодивизион, и прежде всего те, кто непосредственно был связан с флотом. Это - энтузиаст ленинградского радиовещания военкор Николай Дмитриевич Синцов... Его радиопередачи слушали на боевых кораблях и в частях... Благодаря радио, печати флот слышал дыхание города, знал о его напряженной борьбе».

Радиорепортажи Синцова «Школа войны», «Бородинский бой», «Трудовое наступление ленинградцев», «Молодежь Европы против Гитлера», очерки из цикла «Русская слава» транслировались по просьбам жителей города повторно.

Высоко ценил репортажи Николая Синцова Константин Симонов. Об этом он сам говорил Николаю Дмитриевичу.

Их познакомил художественный руководитель Театра комедии Николай Павлович Акимов. С Акимовым у его тезки Синцова были давние дружеские отношения. Когда в послевоенные годы Акимов поставил «Русский вопрос», на генеральную репетицию и встречу с писателем он пригласил и Синцова, который не пропустил в своем любимом театре ни одной премьеры, был поклонником таких актеров, как Борис Тенин, Людмила Сухаревская, Борис Смирнов, Елена Юнгер, Эраст Гарин, Ирина Зарубина... Тогда-то и возникла между двумя военкорами взаимная симпатия.

Симонов неоднократно приглашал Синцова в Москву. О чем говорили они во время этих встреч? Возможно, рассказал Николай Дмитриевич Симонову о своем восприятии пьесы «Русские люди», которую в годы блокады поставил городской блокадный театр, располагавшийся тогда в помещении дорожного сарая Синцова Театра комедии. Сохранилось письмо Синцова жене, в котором есть строки, говорящие о его восприятии пьесы: «Замечательная патристическая пьеса о русских людях, их борьбе, их ненависти к врагу, их любви к Родине и любви друг к другу».

Сейчас трудно восстановить историю их отношений - ни того, ни другого нет в живых. Но остался явный след той дружбы - Константин Михайлович дал своему литературному герою в романе «Живые и мертвые» фамилию Синцов. Это говорит о многом.

Именно Синцову, пережившему блокаду, тюремные пытки и не павшему духом, Симонов незадолго до публикации романа «Живые и мертвые» переслал рукопись этой книги с просьбой высказать свои замечания. И очень был огорчен, что не сумел лично вручить Николаю Дмитриевичу авторский экземпляр с

дарственной надписью - не дожид Синцов до выхода в свет книги, где живет и действует герой - военкор, носящий его, Синцова, фамилию.

Но вернемся во второй послевоенный год - сорок седьмой. Год, когда завязалась дружба Симонова и Синцова, в год, когда Николай Дмитриевич, как и все ленинградцы, радовался каждой примете возрождения израненного города.

Разве мог он предполагать, что считанные месяцы отделяют его от той страшной черты, которая сломает, перечеркнет жизнь его самого и его семьи.

«Ленинградское дело», черная страница истории, было близко. Теперь не секрет, кто и с какой целью стряпал это дело, но тогда можно было с ума сойти от попыток понять, что же такое происходит, почему исчезают в застенках люди, гражданский и нравственный облик которых был безупречен. Люди, которыми страна могла гордиться, один за другим переходили в разряд «врагов народа».

Репрессии обрушивались не только на их головы, но сводили на нет целые семьи. Малолетних детей отправляли в детские дома в глухомань, зачастую даже под другими фамилиями. Невозможно даже представить себе, что испытывал Николай Дмитриевич Синцов, когда узнал, что жена была выслана без детей, а его девочки разбросаны в разные города: одна в детдоме, а старшая в колонии малолетних преступников.

Поначалу Синцов думал, что все случившееся - просто недоразумение, что все можно объяснить, распутать клубок нелепых обвинений. Так думали многие репрессированные.

Из объяснительной записки Н. Синцова в партколлегию при Ленинградском обкоме и горкоме партии: «Ни в период блокады, ни после нее я ничего не получал сверх положенного - ни продовольствием, ни деньгами. Голодную блокаду я прожил физически очень тяжело. На моих руках были престарелые отец и мать. Причем, отец умер от голода в феврале 1942 года. Сам я настолько ослаб, что в конце февраля был срочно отправлен на неделю в профилакторий, что, считаю, и спасло меня от последней стадии дистрофии».

Может, результатом этих воспоминаний, бессильного гнева по отношению к тем, кто оболгал его, явились строчки в тюремном дневнике:

*То как жалею я сейчас,
Что мой тогда не пробил час.
Что не пришлось простым
бойцом
В одну могилу лечь с отцом.*

Но все горькие мысли, терзания души держал при себе. Ни одной жалобы, ничего, что бредило бы сердце близких, нет в его письмах.

«Не вешай голову, не думай о сроках моего заключения. Когда-то Лев Толстой хорошо писал, что нельзя путешественнику, идущему к Иерусалиму, постоянно думать о том, как он еще мало прошел и как много остается. Эти мысли могут только ослабить его энергию. Думать надо о ближайшей версте, если уж нужно думать о будущем. Твоя ближайшая верста - поднять детей... Будь сильная духом, держись!» (из письма Синцова жене).

«Светлейший предводитель»...

«СССР. Министерство внутренних дел. Тюрьма N 2 УМВД Владимирской области. Справка выдана гражданину Синцову Николаю Дмитриевичу, 1903 года рождения, уроженцу гор. Ленинграда... в том, что он, в связи с прекращением дела, освобожден 21 мая 1954 года и следует к избранному месту жительства».

Справку Синцову вручили в день освобождения. А на время, пока оформлялись выездные документы, его отпустили на прогулку в город. Выдали одежду - ту самую, в которой он в апреле 50-го был арестован.

Можно представить себе состояние человека, который настроился на двадцать с лишним лет тюрьмы и вдруг обрел свободу, вышел за ворота каземата. Хотя, впрочем, как рассказывал позднее своим домашним Николай Дмитриевич, какое-то предчувствие было. На предпоследней странице своего дневника он написал такие слова: «Порой у меня бывает затмение - мелькнет мысль, что скоро поеду в Ленинград. Это состояние похоже на чувство инвалида, в первые дни забывающего, что у него отрезали ногу».

На улице с Синцовым оказались шестеро таких же, как он, ошалело улыбающихся мужчин, и среди них - хорошо знакомые ему Михаил Алексеевич Таиров, бывший заместитель председателя Левообластного комитета, и Лев Львович Раков, заведовавший музеем обороны Ленинграда. Да и остальных (все были ленинградцы) знал в лицо. Все четыре года они сидели в одной тюрьме и ни разу не виделись.

Со стороны могло показаться, что это изрядно захмелевшая компания: громко смеялись, жестикулировали, хлопали друг друга по плечу. А головы, и верно, после духоты камер кружились от свежего

весеннего воздуха...

Когда, наговорившись, надышавшись, налюбовавшись «Золотыми воротами» - триумфальной аркой старинного русского города, сверкающей лентой Клязьмы, взволнованные и радостные вернулись к Централу, случился курьез - их не хотели впускать в тюрьму. Караул сменился и не признал в них «своих».

В Ленинграде Николай Дмитриевич поначалу целые дни ходил по любимым местам - улицам, набережным, площадям. Антонина Михайловна вспоминает, что муж говорил тогда: чувства, охватившие его, может передать только музыка.

Через несколько дней Синцова пригласили в Смольный. Шел он туда с тяжелым чувством.

А.М. Синцова: «Никому, кто вернулся в Ленинград из тюрем, лагерей, ссылки, не дали прежней работы, хотя все были реабилитированы. Моему мужу пришлось выслушивать самодовольных партаппаратчиков, оставшихся в Смольном после печально знаменитого Андрианова. Никто из них не хотел прочитать в глазах вернувшихся простого вопроса: «За что?»

Матвей Львович Хейфец, бывший фронтовой корреспондент, преподаватель Института культуры в 50-80-е годы: «Больше полугода оставался Николай Дмитриевич без работы. Почему? Да потому, что охотнее занимались судьбами послушных и услужливых, каким никогда не был Синцов. Его опыт, образование, прежние заслуги в расчет не принимались. Козловы, спиридоновы и подобные им боялись, как бы вчерашние заключенные, с блокадных лет вобравшие в себя воздух свободы, самостоятельности, не посягнули бы на свои прежние, занятые другими должностями».

Клара Леонидовна Борисевич, юрист, друг семьи Синцовых: «Однажды в горькую минуту, все еще оставаясь безработным, Николай Дмитриевич вдруг вспомнил слова немецкого генерала, с которым сидел в камере и нередко сплетывался в спорах, как говорится, до потери пульса (немецким Николаю Дмитриевич владел в совершенстве - В.М.).

Так вот, этот генерал сказал: «Как же вы можете чтить вашу революцию, когда она пожирает своих сыновей?»

Из состояния депрессии Н.Д. Синцова в те трудные для него дни вывел ректор Института культуры Николай Петрович Скрыпнев - фронтовик, потерявший ногу в боях под Калининградом. На свой страх и риск он пригласил Синцова в институт и не ошибся: за короткий срок Николай Дмитриевич создал факультет и кафедру культпросветработы, стал деканом, доцентом. Его по праву называли душой коллектива. Студенты любили своего руководителя и в шутку окрестили его «светлейшим предводителем».

Жизнь входила в берега. Как и в былые годы, Николай Дмитриевич с головой ушел в работу, находя в ней выход энергии ума, так долго остававшейся невостребованной.

х х х

НЕ ТАК ДАВНО довелось мне снова посмотреть фильм «Живые и мертвые». Когда я видел его впервые, не знал о судьбе Николая Дмитриевича Синцова, фамилию и в какой-то степени черты характера которого воплотил в своем герое Константин Симонов.

На этот раз невольно искал, угадывал эти черты в Синцове-Лаврове. И казалось, что у них не только общая трудная судьба военного корреспондента, но и внешне они схожи: тот же взгляд человека, уверенного в своей правоте, прямого, бескомпромиссного, смелого, мужественного.

Да, это тот самый Синцов - наш современник, на долю которого выпало столько тягот и испытаний, не согнувших, не сломавших его.

Владимир МИХЕЛЬСОН

● Николай Синцов, фото 43-го года.